

доб<на> реальности сна» [1, 193]. В этой связи он настаивает на том, что: «Бог построил совершенство, выше которого нет. Сотворив мир, он ушел в состояния «немыслия», или в ничто покоя» [2, 190], то есть Бог, творя из «ничто», завершив акт творения, растворяется в этом «ничто». Соответственно, в супрематической теории Бог абсолютно трансцендентен.

В православной же иконописи аниконизм также присутствует, но лишь в отношении Бога Отца. Иисус Христос, напротив, вполне конкретно изображается на иконах, так как наделен человеческой природой, а поэтому мы и видим принявшего человеческий образ Бога. Через лик Богочеловека мы видим лик Божий. В супрематических полотнах К.С. Малевича подобное невозможно: и божественное, и человеческое редуцируется к непостижимому, бесконечному и целому — «ничто». Очевидно, что происходит перестановка онтологического центра. Если в православной иконописи такой центр — определяемый катафатически Бог, то в супрематизме центр-«ничто» Бога определяет апофатически.

Важнейшее метафизическое значение и в иконописи, и в супрематической живописи имеет понятие «света», определяемое как самосвечение, как нечто имплицитно выявляющее подлинность мира невидимого. В иконописи свет — творящее начало, создающее сам образ. «Для иконописца, — как отмечает, например, П.А. Флоренский, — нет реальности, помимо реальности самого света и того, что он произведет» [5,82]. Для супрематизма во многом схожее понятие света не менее важно. В частности, К.С. Малевич все в своем «Черном квадрате» погружает во тьму единого неделимого «ничто», как причину возникновения реальности, тем самым все приводя к единству. Основываясь на этом, он пишет о «надежде на свет, через который возможно познать мир. Такой свет имеет два различия — солнечный свет, выявляющий вещи, и самый яркий свет <— свет> знаний» [1, 193]. Таким образом, высвечивание как способ отображения невидимого — основное сходство и иконописи, и супрематизма — ключ к пониманию, как иконописи, так и супрематизма К.С. Малевича.

1. Малевич К.С. Записка о границах реальности // Малевич К.С. Собр. соч. в 5тт. Т. 5. — М.: Гилея, 2004.
2. Малевич К.С. Черный квадрат. — СПб.: Азбука-классика, 2003.
3. Трубецкой Е.Н. Этюды по русской иконописи. — М.: Издательство Юрайт, 2019.
4. Флоренский П.А. Сочинения в двух томах. Т.2. У водоразделов мысли. — М., Правда, 1990.
5. Флоренский П.А. История и философия искусства. — М.: Академический проект, 2017.

Лемещенко Петр Сергеевич

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой международной политической экономики Белорусского государственного университета

Общественное регулирование экономики в современных условиях: возможный потенциал и рамки ограничений

Неопределенность, структурная смена мировых трендов и борьба за глобальную ренту основных геополитических игроков, доминанта международных институтов и ТНК над национальными институтами, информационно-компьютерный фактор, финансовый отрыв от воспроизводственного процесса и мощное влияние сформированной новой нормы спекулятивно-потребительского поведения на мировом рынке — вот примерно те новые условия, с которыми в той или иной мере приходится сталкиваться практически любой стране. Правда, «центральные игроки» международного политико-экономического, которые сами задают правила общественного и экономического поведения находятся в более устойчивых координатах, от правых точек, как науки, так и практики. «Малые» же страны, вынуждены приспосабливаться и идти на компромисс, теряя при этом добавленную стоимость, произведенную в своих странах. От этого разрыв в культурном и экономическом уровнях развития углубляется, но истинные причины этого явления, к сожалению, не выявляются.

Один из основных выводов из оценки этого положения является то, что требуется новый целостный взгляд на современное мироустройство, его эволюцию хозяйственных отношений, их форм, подобный тому, который был зафиксирован классической политэкономией. Такой науки и даже некоторых приближений к ней, к сожалению, нет. Это сильнейшее теоретическое ограничение возможностей страны. Политэкономия, например, как общая теория физики, не просто определяет целостный и системный взгляд на изучаемый объект, но формирует для других более частных научных дисциплин многие методологические вопросы, критерий научности, алгоритм верификации и пр. Сегодня большинство функциональных, отраслевых или же пространственно-временных экономических наук разобщены и их получаемые конкретные образы не поддаются «склеиванию» в единое целое. Отсюда большой разброс в выводах и рекомендациях, трудности для практики, которая вынуждена во многом опираться на «здравый смысл» или использовать метод проб и ошибок. Исторически политэкономия позволила (и она в этом плане незаменима) определить стратегию и динамику политэкономического и социокультурного развития страны. Ее предметная определенность, методология, категориальный аппарат ориентированы на выявление потенциала, движущих сил складывающегося способа производства «новой экономики» с указанием ограниченности и перспективности одних экономических форм по сравнению с другими с ориентиром более перспективный и производительный персонал. Если кратко, то не банковско-финансовые работники и, кстати, государственные чиновники в небогатой Беларуси сегодня определяют потенциал для развития.

При всем при том, что «ресурсы имеют значение», для социально-экономического развития наибольшее значение и силу имеют институты. Институты — это эндогенные феномены, система которых определяет не только размер дохода и богатства, но и результатов хозяйствования в более широком смысле слова: отношений общения, роста доверия, культуры, накопления опыта, образования, продолжительности жизни и пр. Поэтому этот результат следует рассматривать как функцию от формируемых институтов: $y = f(I_1, I_2 \dots I_n)$, где I_1, I_2, \dots, I_n — это институциональные изменения конкретного политэкономического пространства и времени. Институциональная среда может как ограничивать, так и расширять границы производственных возможностей за счет формирования социального капитала, имеющего сложную структуру и механизмы деятельности в пространстве и во времени. Но это связано, прежде всего, с институциональными изменениями, имеющих дискретную траекторию эволюции и, в свою очередь, сопровождаются неравномерным распределением издержек на создание новых институтов, извлечением и присвоением инициаторами реформ разного рода трансформационной ренты. Изменение величины издержек и рентных доходов между членами общества создает условия для поддержки или же торможения проводимых политико-экономических мероприятий.

Также, как показывает анализ истории и теории реформ, любая институциональная система имеет свой предел положительной отдачи от своего функционирования, поскольку затраты на ее поддержание в прежнем качестве будут превышать общий полезный эффект. Поэтому крайне важно принять на вооружение государственного управления такую форму, как институциональное планирование и проектирование, позволяющие выявлять структуру ментальных свойств населения страны, их культурные ценности и предпочтения, рамки их изменений и на этой основе выстраивать адекватные формальные нормы и правила, которые сегодня во многом доминируют в системе механизма государственного управления. Критерием смены одних институтов на другие является соотношение затрат и выгод, общественной пользы от институциональных инноваций. Следствием этого выступит повышение доверия в обществе и снижение транзакционных издержек управления. Это уже другое — общественное измерение, которое указывает на тот «климат», в котором не только работают люди, но и живут. А общим результатом, и статистика, социологические исследования это подтверждают, выступает повышение экономического и социального благосостояния, закладывающее основу именно социально-экономического развития. Не экономического роста, а именно развития. Экономический рост, по сути, есть не что иное, как частный случай развития. Социально-экономическое развитие представляет собой такое сочетание различных ресурсов (интеллектуальных, материально-вещественных, денежных, институциональных), которые последовательно создают условия для накопления кумулятивного потенциала системы к сохранению эффективных прежних технологий, отношений и эволюционному их обновлению. При этом должны создаваться и

осваиваться новые виды техники и совершенные по отношению к человеку и природной среде технологии, организации — это, во-первых. Во-вторых, развитие предполагает создание новых видов продукта и сырья. В-третьих, развитие проявляется и в освоении иных рынков сбыта, иных сфер обмена. В-четвертых, должен реально увеличиваться реальный продукт для потребления всех членов общества. В-пятых, не бывает развития без обеспечения благоприятных условий всей жизнедеятельности человека. Наконец, и это выступает результирующим итогом предыдущих пунктов, социально-экономическое развитие четко соотносится с увеличением продолжительности его жизни населения страны. Поэтому, если оценить и государственное управление, и общественное регулирование, то оценка результатов этих сфер деятельности выходит далеко за пределы чисто экономических показателей и тем более показателя экономического роста, который сегодня активно обсуждается. Ведь часто бывает рост, но без развития!

Логунова Людмила Владимировна

психолог, председатель правления Гомельского благотворительного общественного объединения «Центр поддержки семьи и материнства «Мамалето»

Организация образовательного курса для женщин по освоению методов распознавания плодности

По данным Белорусского статистического комитета за последние 10 лет в республике наблюдается снижение среднегодовой численности населения с 9 506 765 в 2009 г. до 9 483 499 в 2018 г. (-0,2%), обусловленное последствиями демографического кризиса 1990-х годов. Более значимо — на 11,4% — уменьшилось число женщин репродуктивного возраста: с 2 494 974 до 2 210 262 [1].

Значимое снижение рождаемости наблюдается с 2016 г.: показатель с 12,4‰ уменьшился до 9,9‰ в 2018 г. Снижение показателя рождаемости закономерно связано с уменьшением суммарного коэффициента рождаемости с 1,73 в 2016 г. до 1,45 в 2018 г., увеличением среднего возраста матери при рождении ребенка с 28,9 до 29,4 лет, что не обеспечивает простого воспроизводства населения [1].

Удельный вес бесплодных супружеских пар в Республике Беларусь составляет 14,5–15 %. Все это зачастую приводит к распаду семьи, а также к ухудшению демографической ситуации. [2]. По данным ВОЗ, увеличение количества бесплодных браков до 15% от общего числа семейных пар рассматривают как неблагоприятную демографическую ситуацию [3].

Несмотря на тенденцию к снижению, по-прежнему остается высоким уровень абортов в нашей республике. За прошлый 2018 год в РБ их совершено 23,3 тысячи, на 100 родов пришлось 24,7 абортов [1]. Интересным оказалось исследование местного общественного благотворительного объединения «Центра поддержки семьи и материнства «Матуля», сотрудники которого занимаются доабортным консультированием в женских консуль-